

Зарево было видно далеко за околицей. Пожар страшный даже по деревенским понятиям — горел сразу весь двор со всеми постройками. От сараюшки остались одни только угли, банька у забора вовсю полыхала, вместо изгороди чернели корявые палки. Дом же, казалось, стоял насмерть — добротный пятистенник зиял темными провалами окон, но крыша держалась.

По двору, громко причитая, металась немолодая женщина:

— Господи, да что ж это делается? За что вы ее так? Креста на вас нет, изверги! Дите-то зачем, малое совсем? Любавушка, девочка...

Женщина бестолково черпала ведерком воду из бочки на огороде, бежала к дому, выплескивала ее в гудящее пламя. Огонь с ревом проглатывал живительную влагу и будто в насмешку разгорался с новой силой. Наконец женщина, поняв всю бесплодность своих действий, с плачем села на чудом уцелевшую скамью у ворот. Она сидела, обхватив голову руками и раскачиваясь из стороны в сторону.

По ту сторону забора толклись сельчане, молча наблюдавшие, как догорают строения. Лица были суровы, никто не делал попыток обуздать пламя.

— Да свершится воля Божья! — воздев палку, угрожающе потряс ею перед толпой сухонький старичок.

Кое-кто мелко перекрестился, большинство лишь молча закивали.

Дом, не выдержав натиска огня, рухнул, сложившись посередине. В стороны полетели горящие головешки. Толпа отхлынула от забора.

Женщина поднялась, вышла за калитку, остановилась перед людьми. Глядя прямо перед собой, она достала из кармана свободной юбки большой крест, усыпанный сверкающими камнями, и, держа его в вытянутой руке, громко крикнула:

— Да будьте вы все прокляты! А ты, кто ее сжег, будь проклят трижды и до седьмого колена! Не будет тебе покоя на этой земле! Ни тебе, ни твоим потомкам, убийца! Да не умрешь ты раньше положенного срока, но да будешь молить Господа, чтобы забрал тебя, потому что смерть тебе покажется избавлением!

Ни на кого не глядя, женщина пошла прочь. Толпа, испуганно молчавшая до сих пор, тревожно загудела. Тихо переговариваясь, сельчане побрели по домам. В душе каждого отныне поселился страх.

Каждый несет свой крест.

И дается он по силам его...

Глава 1

— Во-во, глянь, опять приперлась! Счас че-то там крутить начнет! Смотри-смотри — поворачивается... Во, прикольно! — Санек в возбуждении больно ткнул кулаком Мике в плечо. Тот даже не заметил тычка. Мика во все глаза смотрел на фигуру в темном балахоне, склонившуюся над могильным холмом. Крест на могиле медленно поворачивался...

7•

Когда Санек рассказал Мике, что кто-то ночами бродит по кладбищу их Рождественки, тот не поверил. «На кой ляд ты туда потащился, недоумок?» — попенял он младшему брату. Санек виновато потупился. Мика в свои двадцать два года был для него авторитетом непререкаемым, врать ему было бесполезно и, более того, опасно. За вранье Мика порол нещадно. Даже мать не вставала на его защиту, отворачиваясь, чтобы, не дай бог, старший сын не увидел ее мокрых глаз. А на кладбище Санек пошел на спор. Пацаны постарше подначили, посулив десять долларов одной бумажкой. А Санек никогда не держал в руках иностранных денег!

— Тише ты, не вопи, — шикнул на Санька Миха.

Фигура резко обернулась и замерла. Санек притих. От страха взмокла спина, и он вцепился в руку брата. Миха кивнул: уходим! Близо подходить было опасно — двигаться бесшумно и незаметно Миха не умел, природа наградила его немалым ростом и ногой сорок четвертого размера. Он решил, что завтра придет на кладбище один, без Санька, который только мешал ему своими щенячьими воплями. И займет позицию где-нибудь неподалеку от этой могилы. Собственно, он толком не понял, над какой из могил склонилась сейчас темная фигура. Это была самая старая часть деревенского кладбища, захоронения здесь уже не делались, половина могил была заброшена, кресты поломаны, а оградки украдены предприимчивыми жителями Рождественки. Миха решил, что завтра он узнает две вещи: чья это могила и кто к ней приходит.

• 8

— Сболтнешь кому, по ушам получишь, понял? — Миха говорил строго, крепко держа Санька за руку. Они шли по дороге к деревне, и Санек постепенно перестал дрожать и почти успокоился. Вспомнив, что он пережил, когда в первый раз увидел живого человека, в полночь бродившего между могилами, Санек поежился. Тогда он бежал с кладбища, не разбирая дороги, падая, обдирая колени, пока не уткнулся в живот одному из пацанов, дождавшихся его у околицы. «Что, сдрейфил?» — насмешливо спросил самый старший, Вовка, обладатель вожденной иностранной бумажки. «Там! Там!.. Живой мертвец!» — захлебывался Санек, тыча пальцем в сторону кладбища. Пацаны ржали, попивая пиво и не веря ни единому его слову. Им — хохма, забава, ему — страх и бессонный остаток

ночи. Но десятку Вовка все же ему отдал. «За смелость», — сказал он и пнул коленкой под зад, чтоб Санек уматывал домой. Он и умотал. Дома, получив от проснувшегося брата подзатыльник, промучился до утра, пытаясь заснуть, а утром рассказал о странной фигуре на кладбище Михе.

Братья потихоньку, чтобы не разбудить мать, спавшую в проходной комнате, пробрались к себе. Две кровати спинками к окну, между ними тумбочка и шкаф для одежды в углу — вот и вся мебель, поместившаяся в девятиметровке. Миха мечтал заработать денег и пристроить со стороны веранды еще одну большую комнату, в которой, как ему думалось, он будет жить со своей женой. Будет же у него когда-то семья, обязательно сын и дочка! Но пока даже и девушки у него не было. Ходил к одной разведенке, хотел даже жить к ней уйти. Только мать, принявшая первенца за главу семьи после смерти мужа, в этом вопросе проявила непримиримую твердость. Она так посмотрела на сына, что он, испугавшись ее гнева, отступил. Так и шастал по ночам на соседнюю улицу, но до рассвета всегда возвращался домой.

А денег он заработает, факт. Мастерская, куда он устроился после армии, принадлежала местному фермеру, бывшему городскому жителю, а ныне владельцу крепкого хозяйства Петру Павловичу Вишнякову.

Вишняков появился в Рождественке два года назад. Сам факт покупки городским жителем дома в деревне никого не удивил: половина дворов уже принадлежала дачникам. Но прошло лето, раскуплен-

ные горожанами дома опустели, а Вишняков уезжать, похоже, никуда не собирался. Любопытный рождественский народец тут же решил выяснить, а какие такие виды имеет этот городской на их деревню? Но выяснять ничего не пришлось. Осенью Вишняков начал утеплять коровники, установил там поилку, отремонтировал крышу механических мастерских, привел в порядок огромный двор. Всем стало ясно: мужик обустраивается не на один день. С тех пор хозяйство Палыча только ширилось, крепло. Он нанял работников из числа самых трезвых жителей Рождественки, платил им по деревенским меркам немислимые деньги, а всяких просящих на опохмел гнал прочь. Так и разделилась Рождественка на два лагеря: малая часть уважала Палыча, остальные же, кто был особенно ленив и стабильно пьян, завидовали и злобствовались.

• 10

В тот год Миха вернулся из армии. Мать, поняв, что у старшего сына в деревне одна дорога — спиться, подтолкнула его сходить и попроситься на работу к новому фермеру. Тот взял еще не испорченного бездельем парня с удовольствием. Правда, предупредил сразу: филонить не позволит. Палыч нравился Михе. Миха прекрасно понимал, почему Вишнякову завидуют: такого порядка в хозяйстве не было ни у кого из коренных жителей Рождественки. Да что говорить, у большинства в сарае по одной коровенке да огород с картошкой! А у Палыча свинарник теплый, небольшая птицефабрика, в коровнике все механизировано, даже вода в поилку подается всегда свежая. А техника! Вот за этой техникой и поставил Палыч следить Михаила Тихонова. И зарплату ему платил приличную. Без

лишней скромности сказать, отрабатывал Миха эти деньги сполна. Иной раз дотемна в мастерской задерживался, а если надо, то и на ночь останется, чтоб работу закончить.

Миха вернулся мыслями к кладбищу. То, что он увидел, могло и ничего не значить. Залетный бомж обосновался на ночлег, например. Но крест! Почему он вращался? «Завтра схожу туда, пока еще не совсем стемнеет. Посмотрю, может, и пойму, на какой могиле механизм установлен. Не руками же она его поворачивала, фигура эта! А если там тайник? И в нем клад? Вот здорово!» — размышлялся он. С мыслями о несметных сокровищах, которые непременно найдет, Миха заснул.

В соседней комнате на старой пружинной кровати ворочалась его мать. Станные сны, в которых она то боролась с ведьмой, то излечивала людей прикосновением руки, не давали ей спокойно спать всю неделю. И еще снилась мать, которую Елена никогда в своей жизни не видела. Она говорила: «Прости меня, доченька» — и исчезала за пеленой сна. Елена тянула к ней руки, точно молила, чтобы она осталась, лицо жгли сонные слезы, но мать опять виновато вздыхала и растворялась во тьме. Утро наступало, неся неизведанное раньше томление по чему-то светлому и недосягаемому.

Неделю назад ей исполнилось сорок. «В сорок лет придет к тебе дорогой человек и откроется тебе Любовь, только первенца своего береги пуще глаза», — предрекла ей заезжая цыганка, попросившая кружку воды. Елена тогда ей поверила как-то

сразу, скорее себе в утешение: в свои тогдашние тридцать она и знать не знала, что такое любовь, живя с немолодым мужем из чувства долга, но не более того. Она была ему благодарна за то, что взял ее, сироту и бесприданницу, замуж, освободив в шестнадцать лет от непосильной ноши: она ухаживала за своей престарелой бабушкой, зарабатывая им на жизнь чем придется. Иногда удавалось продать связанные слепой бабулей салфетки, иногда получить копейки за прополку чужого огорода... Однажды сорокалетний вдовец Василий, живший у речки, пришел к ним в дом с бутылкой наливки и пирогом. Он о чем-то недолго поговорил с бабушкой, присев на стул возле ее кровати, а потом вышел в кухню, где Елена готовила немудреную закуску, и тяжело опустился на шаткий табурет. «Пойдешь за меня замуж, Елена, — спокойно сказал он, глядя почему-то в окно. — Так будет лучше». Елена только молча кивнула. Свадьбы не было, расписались в сельсовете и дома выпили по рюмке вина. Дом Василия заколотили досками и стали жить в их с бабушкой избе. А его дом так и стоял на краю деревни, ветшая и приходя в негодность. До прошлой недели. Елена очень удивилась, когда к ним приехал из города солидный мужчина и, быстро оформив необходимые бумаги, выкупил его у них.

В восемнадцать Елена родила сына, а еще через двенадцать лет — второго. А спустя год слег Василий, сломав себе позвоночник. Умер он тихо, как и жил.

С тех пор она все чего-то ждала, сама не понимая чего. Когда ей исполнилось сорок, стали приходить эти сны. А в них — мама, молодая и отчего-то всегда очень грустная.

Глава 2

— Мам, ну почему мы должны ехать в эту Задрипенку?! — Алена умоляюще сложила руки: жест вроде бы и просящий, но тон, каким был задан вопрос, не оставлял сомнений — она категорически не согласна!

— Не Задрипенку, а Рождественку, — терпеливо поправила дочь Елизавета Евгеньевна. Она и сама не понимала, зачем ее муж купил старую развалюху на окраине деревни. Они планировали провести отпуск в Греции, как и в прошлом году. Были забронированы отель, билеты, и вдруг — этот каприз. То, что это каприз, Лиза не сомневалась. Хорошо, если ненадолго. Промается ее привыкший к цивилизации муженек в сарае и с клозетом в конце двора дня три и запросится к морю. Кстати, готовить ему еду на газовой плите с баллонами она не собирается. Да и вообще кухарить тоже. Пусть ест подножный корм: огурчики, петрушку, что там еще растет на огородах? Глядишь, похудеет: живот его давно уже напоминает футбольный мяч огромного размера.

— Мам, ну сделай что-нибудь! Ты ж не хочешь провести лето среди навозных куч и комаров? А обо мне вы подумали? Что я там делать буду? Жора со Стасей будут на солнышке греться, а я в речке-во-нючке купаться?

— Папа говорит, там вполне приличная река, Юза, кажется, называется. — Елизавета Евгеньевна чувствовала, что говорит неубедительно, но подделать с собой ничего не могла. Ее муж, уходя утром на работу, взял с нее обещание, что она уговорит Алену поехать в деревню. А как уговаривать, если у самой

все против? Не хочет она ехать в эту Рождественку, никак не хочет!

Алена, поняв, что мать сама не рада предстоящему отдыху, решила, что нужно говорить на эту тему только с отцом. Беснадежно махнув рукой, она вышла из родительской спальни.

• 14 У них была огромная квартира. Такая, что новый человек мог плутать по коридорам, пытаясь найти выход, очень долго. Как им удалось приобрести такое жилье, Алена толком не знала. Отец грядущую покупку с ней не обсуждал. Просто в один прекрасный момент они переехали из обычной блочной хрущевки в этот старый особняк. Алена, конечно, предпочла бы жить в элитном доме на набережной, с охранником на первом этаже, паркингом под домом и теннисным кортом под самой крышей. Если уж появились такие деньги, то зачем реанимировать старые стены, когда можно купить новые? Все ее друзья по гимназии жили в таких домах. А отец перевез их в эту бестолковую квартиру с балконом, на котором вполне можно устроить танцпол. Единственное, что ей понравилось, что теперь у нее две комнаты сразу: личная гостиная, как она ее окрестила, и личный будуар. Круто! Правда, у ее сестры Ларисы комнат — три, и в отдельном коридоре. И своя туалетная комната. Аленыны же апартаменты имели выход в общий холл.

Алена не то чтобы не любила сестру, но особенного тепла в их отношениях не было. Она всегда завидовала своей подруге Стаське, которую старшая сестра обожала. Правда, разница между ними была всего два года, а у них с Ларисой — пять лет.

Ей, Алене, семнадцать, Ларке уже двадцать два. И она не замужем. Алена не могла понять: почему? Лариса — красавица. «На нее больно смотреть», — сказал однажды Жорка, захлопнув открытый все время, пока он ее разглядывал, рот. Алена только молча кивнула. На Ларку пялились все мужчины, даже папины друзья, давно и прочно женатые. Алену же никто не замечал. Вежливо так бросали «хорошенькая девочка» и отворачивались в поисках ее сестры. Лариса была не похожа на отца, да и слава богу! Конечно, внешность для мужчины не важна, но папа очень уж непривлекательный. Сколько раз мама пыталась заставить его сходить к стилисту, поменять прическу, имидж в общем. Но он упорно стригся налысо и носил джинсы и простые футболки под пиджак. Дикость какая-то. Да еще этот его живот! Хоть бы в тренажерный зал ходил, что ли! И тут не пропрешь! Мама говорит, он ленив, как тюлень. Она его так и называет в разговорах с подружками — «мой тюлень». Как смешно! Ха-ха!

15 •

А Лариса, вероятно, похожа на свою мать. Правда, Алена никогда не видела ее фотографий. Отец говорит, альбомы все потерялись. Как это может быть? При ней, Алене, вообще не обсуждается, куда делась папина первая жена. Говорили, она умерла, когда Лара была еще младенцем. И Лариса, похоже, ее совсем не помнит. Алене даже жалко сестру, потому что с Алениной матерью у Ларисы отношения, как говорят, не сложились. Не любит ее Лариса, да и мама к ней никак не относится. Это она однажды так и ответила на вопрос своей знакомой: «Как ты относишься к его дочери?» — «Я к ней не отношусь», — отрезала мать равнодушно. Именно так и есть, то есть никак. Поэтому Алене сестру и жалко. Если